

УДК 1(091)+111

А. И. Савонова
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры управления образованием
Луганского областного института
последипломного педагогического образования

ОБЫКНОВЕННОЕ ЗЛО АБСУРДНОСТИ БЫТИЯ ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ А. КАМЮ

Оценочное суждение человечества, построенное на представлениях о добре и зле, диктует правила бытия. И абсурдностью этого бытия как раз и является объективное представление о добре и зле. Развитие цивилизации проходит в канве моральных убеждений, в которых добро и зло приобретают разнообразные обличья, порой настолько схожие, что перед человеком заново возникает проблема разграничения проявлений этих моральных категорий в собственном бытии. Развиваясь и вроде бы становясь на порядок культурнее и моральнее, человек сталкивается с новыми формами зла, имея с собой только старое оружие, не способное его защитить.

Вот почему тема повседневного зла так заинтересовала французского философа А. Камю. Поднимая тему зла как часть обыденности человеческой жизни, он развивает ее практически до понятия непреодолимой реальности бытия. Трагизм зла заключается в постепенном привыкании к нему, как к наркотику, и общество постоянно нуждается в увеличении дозы, чтобы опять временно всколыхнуть свой многоголовый организм на борьбу со злом. Современным войнам, терактам, преступлениям требуется все большее и большее количество жертв, дабы привлечь внимание к себе человечества. Зло, зародившееся как нечто незначительное, через время разрастается, зачумляет сознание человека. А. Камю исследует зло от самого его зарождения, дабы выявить истинную сущность зла и определить средства защиты.

Целью статьи является изучение и раскрытие сущности обыкновенного зла повседневной жизни человека в философии А. Камю.

Многогранное творчество французского философа не остается без внимания исследователей. Творчество А. Камю как философа-моралиста изучали А. Руткевич, С. Великовский, С. Фокин, К. Река, О. Сарабун, С. Кузнецова и другие. Многие исследователи предпочитают детально анализировать одно из произведений философа, проводить сравнительные параллели с учениями других философов, как это делает В. Силин, В. Закревский, О. Подлисецкая, Т. Вербицкая, или же исследовать категоричный аппарат его философии. Большое внимание уделяется раскрытию взглядов философа на такие понятия, как «бунт», «абсурд», «свобода», «фагум», «посторонний». Часто философские идеи А. Камю рассматриваются исследователями в контексте экзистенциальной философии без детального обращения к его произведениям, либо приуменьшения их значимости. В этой связи и тема зла в философии А. Камю остается без должного внимания современных исследователей.

А. Камю отмечает особую трагичность обыкновенного зла в экзистенции человека. Это проявляется уже в его ранних произведениях. Так, в произведении «Ранняя эссеистика» философ доносит разные голоса обыденной трагедии жизни: старость, одиночество, безнадежность жизни. Само зло порождает жизнь человека. Здесь не говорится о преступлениях, попадающих под букву закона, аморальных выходках, отравляющих жизнь человека. Речь идет о самой «эскалаторности» жизни, неизменно утягивающей человека из самой этой жизни. «Неспешная походка ускоряется: завтра, завтра все будет иначе. И вдруг он делает открытие: завтра все будет, как всегда, и послезавтра тоже, и во все остальные дни. И это непоправимое открытие сокрушает его. Бывают такие мысли, которые сводят человека в могилу» [5, с. 59]. Человек привязан к своему эскалатору жизни и, не в силах вырваться от него, довольствуется малыми крохами радости, иллюзорными убеждениями в неожидан-

но счастливых изменениях самой обыденности жизни, которые никогда не свершатся.

Особой трагичностью охвачен разваливающийся бранный мир пожилого человека, неожиданно осознававшего, что счастливых изменений уже точно не будет, что все его сокровище – это воспоминания о прошлом и попытки убедить других, а, в первую очередь, себя, в том, что именно в прошлом он был счастлив, либо же, наоборот, возвысить свою трагедию жизни до уровня шекспировских драм. Но обыденность зла именно такова, что ни радости, ни горести старости не ведомы молодости, еще убежденной в счастливом завтра.

А. Камю подчеркивает, как одиночество человеческой трагедии нуждается в обществе: старик, уходящий из дома к людям, женщина, приходящая в семью сына с жалобой на свою жизнь, парализованная старуха, отчаянно хватающая за руки единственного человека, принявшего участие в ее судьбе. Общество остается последним смыслом их жизни. Общество, а не Бог. Бог в философии А. Камю находится за заслоном бытия, он не проникает даже в те религиозные фетиши, которые должны подчеркивать его всемогущество и великое сострадание: «Дальнейшее покажет, что бог бессилен против людских замыслов» [5, с. 64]. Бог, даже если бы он был абсолютным добром, не в силах защитить человека перед тем простым обыденным злом, которое ежедневно безнаказанно совершают люди. Ведь нет такого закона, нет такой нормы морали, которая осуждала и наказывала желание молодежи предаваться утехам жизни, не желающим внимать трагедии уходящей жизни. «Человек находит прибежище в других людях. Кто больше всех жаждет одиночества и своеволия, тому больше всех хочется блеснуть перед окружающими. Люди – вот что важно», – делает вывод философа [5, с. 66].

Но и в самих людях есть нечто важное, чем они сами. А именно человечность, та самая повседневная человечность, которая продолжает своим внезапным, похожим на второе пришествие Христа, пробуждением человеческого сознания. Против человеческого страдания и смерти философа кладет на чашу весов человечность и простоту. Вот только эти императивы не дуалистичны у философа, а взаимодополняемы. Смерть не противостоит простоте, простота как раз упрощает смерть, вскрывает ее печальную доброту. В произведениях А. Камю смерти уделяется особое внимание, она показывается как извечная спутница жизни, ее обратная сторона, изнанка. Такое отношение к смерти у философа перекликается с иранской философией, что вполне оправдывается длительностью лет, прожитых А. Камю в Алжире. Смерть является важным фактором экзистенции человека, но человеческие знания о ней чрезмерно малы. Ученый люд занимался размышлением о смерти, гоня мысль между категориями добра и зла, пытаясь отнести ее то к одному, то к другому. Смерть, настаивающая ребенка или молодого человека, часто расценивается как сокрушительный удар, социальное зло, отбирающее жизнь у тех, кто право имеет на формирование будущего. Смерть, приходящая с ножом убийцы, – также непреклонное зло против человека, а главное, против общества, которое теряет чувство безопасности перед таким актом зла. Но вот уже смерть, прекратившая мучения больного человека, изможденного борьбой с болезнью либо прикованного к постели старика, нарушающего безбрежное спокойствие его родственников, уже не рассматривается как зло, а скорее, как благо, освобождение от оков нелепой жизни. Интересно и то, что смерть,

пришедшая в результате договоренности убийцы и убитого, не рассматривается философом как акт зла. Патрик Мерсо не испытывает даже признаков раскаяния, но несет никакого наказания не только перед обществом, но и перед собственной совестью за убийство Загрея, ведь, по сути дела, он совершил эвтаназию, действие, совершаемое врачом по отношению к безнадежно больному человеку по договоренности с этим человеком [6]. Современный мир, стоящий на позициях гуманизма, не может дать четкого морального оценивания данного акта, выталкивая право человека на смерть за грани добра и зла.

Что интересно, философ увлекается созданным им героем. Мерсо является главным героем и более позднего произведения А. Камю «Посторонний» [4], и здесь он также становится убийцей какого-то араба. Но в этот раз это ему с рук не сходит. Философ подчеркивает, что Мерсо отправляют на эшафот не за это убийство, а за его открытое пренебрежение общественной моралью, даже если эта мораль полностью построена на лжи и пуста по себе. Ведь за убийство араба Мерсо мог быть приговорен к нескольким годам заключения, но присяжные, т. е. французский народ судят его за равнодушие к матери, судят за то, чем страдают все: «Конечно, я любил маму, но какое это имеет значение. Всякий разумный человек так или иначе когда-нибудь желал смерти тем, кого любит» [4, с. 359]. Разница только в том, что Мерсо не лжет, а значит, его мораль не имеет ничего общего с моралью остальных людей. Здесь можно отметить проведенную А. Камю параллель между серийным убийцей, которым был Калигула [3], и случайным убийцей, которым изображен Мерсо в «Постороннем»: оба не притворяются в своих чувствах и причинах деяний, и оба приговорены к казни, привыкшие притворяться людьми.

Философ создает для Мерсо два варианта его будущего: один – достаток и жизнь в одиночестве, другой – тюрьма и смертная казнь. Но и одна и вторая жизнь заканчиваются одинаково – смертью главного героя. А. Камю постоянно наталкивает читателя к мысли, что нет ни какой разницы, как ты живешь, когда в конце тебя все равно ждет смерть и полное прекращение существования. В общечеловеческой морали нет смысла, она не защищает от смерти ни серийного убийцу, ни христианского праведника.

А. Камю, как можно заметить, свойственно перенесение событий из одного произведения в другое, он словно начерчивает замысел нового произведения в создаваемом. В таких переплетениях рассуждения философа становятся еще интереснее. Отдаленное упоминание о вынесении приговора убийце находим в рассказе о своей жизни господина Тарру из произведения «Чума».

Идея постороннего человека получает свое развитие в пьесе «Недоразумение» [2]. Последняя информация, сопровождающая Мерсо в тюрьме к плахе, становится старой газетная хроника убийства двумя женщинами родного человека. Это внешнее событие, ворвавшееся из потустороннего для заключенного в камеру-одиночку человека бытия, является очередным подтверждением философа абсурдности человеческого существования и тех моральных норм, которыми общество защищает себя в целом от каждого существующего в нем отельного бытия человека. И Мерсо, и Ян гибнут как посторонние, непринятые социумом. Разница в том, что один был посторонним для общества, и общество отправило его за это на плаху, другой притворился посторонним, и родные мать и сестра, убили его, устранили, как мешающий барьер к своей мечте – быть богатыми и жить под солнцем.

Неоднозначно и само понятие солнца в философии А. Камю. И, чтобы раскрыть важность этого понятия, следует сделать отступление от солнца как канвы преступлений. Определенно, что в обоих произведениях солнце выступает фактором формирования преступления. Мерсо убивает, не выдерживая палящего солнца, Марта – потому что стремится обладать солнцем почти также сильно, как Калигула стремился обладать луной. «Да, мне надоело все время носить в себе душу, я хочу найти поскорее страну, где

солнце убивает сомнения и вопросы» [2, с. 119]. Но солнце в философии А. Камю – нечто большее, чем просто явление природы. Марта мечтает о нем как о чем-то, недоступном для европейцев, живущих взаперти собственного сакрального искусства.

У А. Камю неоднократно прослеживается пренебрежение к церковным сооружениям. За прекрасным украшением церкви в барочном стиле философ видит человеческий страх перед Богом и какую-то слабую попытку спрятаться в поклонение перед изображениями святых от собственных внутренних демонов, мучающих душу и коверкающих жизнь. «Бог, которому здесь поклонялись, требовал к себе страха и почтения, это был совсем не тот бог, который смеется вместе с человеком, следя за пылками играми моря и солнца» [6, с. 193]. Церковь служит постоянным напоминанием о человеческой душе, а солнце позволяет забыть о ней, под ним беспокойная мысль о защите души от злых сил исчезает, солнце помогает забыть человеку про то, что гнетет его наиболее. Освещающая человеческое бытие, солнце показывает ограниченность человеческого существования. С солнцем приходит чума в человеческий мир, оно сотрясает моральные стены, окружающие человека, и тогда возникает жажда вырваться за рамки зачумленного города, провинциальной деревни, окруженной монастырскими стенами, даже собственного сознания. Озаренному солнцем человеку мешает все. Но солнце не в состоянии спалить душу, как пытается убедить себя Марта, солнце становится новой тюрьмой, иллюзией свободы, им подменяются настоящие желания человека и эти желания оказываются истинно нравственным смыслом жизни. Марта ищет не солнце, ей жаждутся искренние чувства любви матери, эротические мечтания о возлюбленном. Жажда любви преследовала и Мерсо, солнце, выжигавшее день похорон матери и день убийства араба, также стало весами, уравновесившими его скрытое желание любви.

В произведении «Чума» [7] солнце, обрушившее эпидемию чумы на город Оран, и губило его жителей, и сеяло новую надежду. В противовес злу чумы, положившей на алтарь смерти все бытийное, восстало то единственное, что было сильным в человеке, – любовь и сострадание. Всеобщее горе вызывает желание ему противостоять, бороться. Зло становится реально-видимым, обретает имя. Его приходится изучать, чтобы понимать и бороться. «Конечно, существует добро и зло; и обычно каждый без труда видит различие между ними. Но когда мы доходим до внутренней сущности зла, здесь-то и подстерегают нас трудности. Существует, к примеру, зло, внешне необходимое, и зло, внешне бесполезное. Имеется Дон Жуан, свергнутый в преисподнюю, и кончина невинного ребенка. Ибо если вполне справедливо, что распутник сражен десницей Божьей, то трудно понять страдание дитяти» [7, с. 360].

А. Камю выделяют два типа зла. Зло, наносимое тому члену общества, кто попал моральные и государственные устои, – это зло, принимающее вид заслуженного наказания. Таким злом наказываются Мерсо, таким злом наказываются и Калигула, и Катар. И в целом человечество, хоть и дискутирует по поводу зла как наказания, готово мириться с ним как необходимой частью существования. Такое зло становится логически принятым, и движется по закону, не Бога, но человека: оступился – наказан будешь.

Зато другое зло, противопоставившее себя всякой логике, законам морали и религии чуждо в принятии, и выходит за рамки дискуссий. Дискутировать о нем бесполезно, т.к. ничего нет трагичнее всеобщего человеческого горя. Это обыкновенное зло абсурдности существования. Его не может оправдать религия своими клятвенными заверениями, что невинные блаженны будут где-то там, за пределами существования. С ним надо бороться, но и бороться с ним практически бесполезно, т.к. оно составляет часть повседневности человека, слишком мелкой, будь-то одиночество старика или разлука влюбленных, чтобы противостоять им, а когда от этого зла уже нельзя закрыть глаза, спрятаться в рутине жизни, с ним уже поздно бороться. Собираясь из

незначительных событий, словно море из капель дождя, оно внезапно обрушивается на человека «<...> и что возможно, придет на горе и в поучение людям такой день, когда чума пробудит крыс и пошлет их околевать на улицы счастливого города» [7, с. 426].

Доктор Риэ противостоит такому злу, где страдать должен невинный ребенок. Примечательно, что А. Камю подхватил идею Ф. Достоевского о «слезинке замученного ребенка», которую атеист Иван Карамазов прогнупоставил вере брата в грядущую мировую гармонию, даруемую Богом, и вложил ее в уста доктора-атеиста [1]. Доктор Риэ, безуспешно пытавшийся спасти жизнь зачумленному ребенку, противостоит религиозной вере в лице отца Панлю. «И даже на смертном одре, я не приму этот мир Божий, где истязают детей» [7, с. 355]. Доктор Риэ, как и Патрик Мерсо, не скрывает своих атеистических настроений, но в отличие от Мерсо, в отличие от Ивана Карамазова, он, даже осознавая свое бессилие против развернувшегося зла-чумы, не остается равнодушным, открывая для себя высшую в представлении философа силу – сострадание. Сострадание – это единственное оружие против обыкновенного зла абсурдности существования человека. Фактически, отвергая Бога как часть религии, он находит Бога как высшее духовное целое, заключенное в понятии «нравственность». Именно это помогает доктору выжить в зачумленном городе, в то время, как его лучший друг Тарру погибает уже на финише борьбы города с чумой.

Тарру борется со злом необходимым, и эту битву он проигрывает. Он проигрывает чуме еще до того, как попадает в Оран. «Для простоты начнем, Риэ, с того, что я был уже чумой поражен еще прежде, чем попал в ваш город в разгар эпидемии. Достаточно сказать, что я такой же, как и все. Но существуют люди, которые не знают этого, или люди, которые сумели сжиться с состоянием чумы, и существуют люди, которые знают и которым хотелось бы вырваться. Так вот, мне всегда хотелось вырваться» [7, с. 378]. Его борьба одинокого Дон Кихота против установленного порядка движения ветряных мельниц общественного понимания преступления и наказания изначально безнадежна. Ведь человек остается зачумленным идеей заслуженного кем-то зла постоянно. Как только уменьшит свои аппетиты зло, внешне бесполезное, ему на смену выйдет зло необходимое. Тарру знает, что как только префектура города объявит о победе над чумой, начнется новая волна зла – осудят Катара, схватят контрабандистов, начнут разбирать преступления против общественного порядка – будут казнить, и никакие смерти зачумленных не смогут повысить ценность человеческой жизни, каждого, кто будет объявлен преступником.

Таким образом, А. Камю, поднимая тему метафизики зла, отходит от христианско-традиционных убеждений его происхождения на земле и уж тем более временного существования. Зло неотделимо от человеческого бытия, и нет смысла в вере в Бога, который его уничтожит, ибо уничтожить надо будет все человечество без права быть помилованным, т. е. совершить самое великое зло, ввергнуть все в хаос. Философ пытается раскрыть сущность зла, строя свою теорию обыденности зла не на канве противоположности добра и зла, а раскрывая сущность зла обыденного, над злом человеком осознанно создаваемом. Разница лишь в том, что первое зло возникает тогда, когда человек позволяет себе прекратить его изучать, а второе – когда человек воспринимает его как временную меру воздействия на сохранение морального обустройства общества.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. В 2-х кн. Кн. 1. / Ф.М. Достоевский. – М.: Правда, 1991. – 416 с., ил.
2. Камю А. Недоразумение / А. Камю // Сочинения. В 5 т. / Пер. с фр. – Х. : Фолио. – Т. 2. – 1997. – С. 115–160.
3. Камю А. Калигула / А. Камю // Сочинения. В 5 т. / Пер. с фр. – Х. : Фолио. – Т. 1. – 1998. – С. 253–316.

4. Камю А. Посторонний / А. Камю // Сочинения. В 5 т. / Пер. с фр. – Х. : Фолио. – Т. 1. – 1998. – С. 319–396.

5. Камю А. Ранняя эссеистика / А. Камю // Сочинения. В 5 т. / Пер. с фр. – Х. : Фолио. – Т. 1. – 1998. – С. 17–66.

6. Камю А. Счастливая смерть / А. Камю // Сочинения. В 5 т. / Пер. с фр. – Х. : Фолио. – Т. 1. – 1998. – С. 151–250.

7. Камю А. Чума / А. Камю // Сочинения. В 5 т. / Пер. с фр. – Х. : Фолио. – Т. 2. – 1997. – С. 187–426.

Аннотация

Савонова А. И. Обыкновенное зло абсурдности бытия простого человека в философии А. Камю. – Статья.

В статье рассматривается роль зла в повседневной жизни обычного человека и восприятия зла человеком в дилемме необъятной трагичности и логического восприятия. Сущность зла в философии А. Камю раскрывается через анализ ранних произведений писателя. Исследуется соотносительность смерти как закономерного факта прекращения человеческого существования и моральных принципов общества. Поднимается проблема понимания смерти человека философом как трагического случая, что возмущает человечество, как бунт против невозможности существования на позициях христианских ценностей и как неоправданная мера наказания за несоответствие поведения человека общепринятым моральным нормам. Исследуется метафизика зла в философии А. Камю, которым человек понемногу травится, только начиная свое существование, а также невозможности бытия человека без дуализма добра и зла.

Ключевые слова: повседневное зло, трагичность, одиночество, смерть, моральные нормы, наказание, любовь, сострадание.

Анотація

Савонова Г. І. Звичайне зло абсурдності буття простої людини у філософії А. Камю. – Стаття.

У статті розглядається роль зла в повсякденному житті звичайної людини та сприйняття зла людиною у дилемі неосяжної трагічності й логічного сприйняття. Сутність зла в філософії А. Камю розкривається через аналіз ранніх творів письменника. Досліджується співвіднесеність смерті як закономірного факту припинення людського існування та моральних принципів суспільства. Піднімається проблема розуміння смерті людини філософом як трагічного випадку, що обурює людство як бунт проти неможливості існування на позиціях християнських цінностей та як неоправдана міра покарання за невідповідність поведінки людини загальноприйнятим моральним нормам. Досліджується метафізика зла в філософії А. Камю, яким людина потроху труїться, тільки-но починає своє існування, а також неможливості буття людини без дуалізму добра і зла.

Ключові слова: повсякденне зло, трагічність, самотність, смерть, моральні норми, покарання, любов, співчуття.

Summary

Savonova A. I. Ordinary evil absurdity of existence the common man in the philosophy of A. Camus. – Article.

The article discusses the role of evil in everyday life of the common man and the perception of evil by a person in the dilemma of immense tragedy and logical perception. The essence of evil in the philosophy of A. Camus reveals through the analysis of early works of the writer. It is explored the relationship between death as a natural fact of termination of human existence and moral principles of society. It is raised by the philosopher the problem of understanding person's death as tragic event, outraged humanity, as a revolt against the impossibility of the existence in positions of Christian values, and as unjustified punishment for non-conformity of human behavior to generally accepted moral norms. Explores the metaphysics of evil in the philosophy of A. Camus, which the person is gradually etched from its existence, and the impossibility of human existence without duality of good and evil.

Key words: casual evil, tragedy, loneliness, death, moral norms, punishment, love, compassion.